

Чарлз Рэгин

ОСОБЕННОСТИ КОМПАРАТИВИСТИКИ

(Из книги: Charles Ragin, The Comparative Method: Moving beyond Qualitative and Quantitative Strategies, pp 1-18. Copyright © 1987 The Regents of the University of California)

«Невозможно мыслить, не сравнивая. Поэтому без сравнения JTL невозможны ни научная мысль, ни научное исследование» (Swanson, 1971, с. 145). Большинство специалистов в области общественных наук сегодня поддержали бы такое заключение, хотя иные испытали бы при этом соблазн заменить слово «сравнение» словосочетанием *переменные и взаимоотношения*. В сущности, никакое эмпирическое социальное исследование не обходится без того или иного сравнения. Ученые сравнивают между собой изучаемые случаи, используют статистические методы для проведения и уточнения количественных сравнений, сопоставляют отдельные случаи с теоретически сконструированными чистыми типами, выявляют отклонения показателей, вычисленных для отдельных случаев, от средних. Сравнение создает основу для суждений об эмпирических закономерностях, а также для оценки и толкования конкретных случаев, исходя из сущностных или теоретических критериев. В подобном широком смысле, сравнение играет ведущую роль в современных эмпирических общественных науках. С. Либерсон утверждает даже, что социальные исследования — это, «так или иначе, сравнительные исследования» (Lieberson, 1985, с. 44).

Хотя в широком смысле все исследовательские методы общественных наук можно считать сравнительными, термин *сравнительный метод*, как правило, используется в более узком значении для обозначения особого вида сравнений — сравнения крупных макросоциальных единиц. Традиционно под сравнительным методом понимается основной метод, применяемый в компаративистике — разделе общественных наук, занимающемся сходством и различиями между отдельными обществами (Easthope, 1974). Вопреки этой традиции, вопрос об особенностях компаративистики вообще, и сравнительного метода в частности, вызывает сегодня серьезные разногласия. Некоторые компаративисты отрицают, что сравнительные общественные науки

сколько-нибудь существенно отличаются от общественных наук как таковых (Grimshaw, 1973, с. 18).

Так, например, Н. Смелзер полагает, что сравнительное исследование не является «особой разновидностью социальных исследований» и что «анализ явлений в заведомо непохожих друг на друга сообществах (в особенности, в различных обществах или культурах) должен быть лишен специфических для него методологических проблем» (Smelser, 1976, с. 2-3). Согласно Смелзеру, объясняется это именно тем, что цели сравнительных и несравнительных исследований идентичны — объяснять социальные явления путем выявления предпосылок и причин вариаций (с. 5; см. также Armer, 1973, с. 50). При такой логике любые технические приемы, позволяющие объяснять отклонения, и есть сравнительный метод. А под данное определение подпадают практически все аналитические методы, используемые в социальных науках (см. Bailey, 1982).

Позиция, согласно которой компаративистика ничем не отличается от прочих общественных наук, а все используемые в общественных науках методы являются, в сущности, сравнительными, выглядит здоровой и даже привлекательной, ибо предполагает методологическое сродство субдисциплин обществознания. Ее придерживаются многие компаративисты, расценивая упор на неразрывность связи между сравнительными и несравнительными исследованиями как подтверждение тому, что компаративистика не менее «научна», чем ее собратья. Однако при таком подходе игнорируются важные различия между *ориентациями* большинства компаративистов и некомпаративистов. А эти различия имеют серьезные методологические последствия. Хотя нельзя отрицать, что общая логика общественных наук единообразна и не зависит от характера субдисциплины, специфика сравнительных общественных наук делает их идеальным объектом для анализа ключевых методологических проблем. Я считаю, что выделение особенностей компаративистики может дать серьезные познавательные результаты, применимые и к иным общественным субдисциплинам. Наиболее явная особенность компаративистики — наличие четко выраженного водораздела между количественными и качественными исследованиями. Здесь он, возможно, шире, чем в любой иной субдисциплине обществознания. Причина отчасти заключается в том, что в отличие от других форм социальных исследований в сравнительных исследованиях доминирует качественная традиция. За последние двадцать лет именно в рамках этой традиции было создано несколько самых известных обществоведческих работ (от «Социальных корней диктатуры и

демократии» Б. Мура до «Современной миросистемы» И. Валлерстайна), что наводит на мысль о ее преемственности по отношению к великим теоретическим изысканиям таких классиков, как Э. Дюркгейм и М. Вебер.

Более важной причиной указанной ситуации является, однако, то, что в компаративистике на водораздел между количественными и качественными исследованиями накладываются другие различия, способствующие его расширению. В качественных исследованиях отдельные случаи обычно рассматриваются как некие целостности и именно в таком виде сравниваются между собой. В ходе анализа могут, правда, использоваться и переменные — например, как важную переменную можно трактовать наличие или отсутствие какого-то института. Но и тогда случаи выступают как конфигурации, комбинации характеристик. Таким образом, в рамках качественной традиции сравнение предполагает сопоставление конфигураций. Подобный «холизм» прямо противоречит сугубо аналитическому подходу большинства количественных исследований.

Качественная традиция не только ориентируется на изучение случаев в целом, но и широко прибегает к интерпретациям истории. Термин «*интерпретация*» используется здесь в ограниченном смысле. «Интерпретативным» нередко называют тип социальных исследований, имеющий лишь отдаленно эмпирический характер и направленный преимущественно на разрешение проблем смысла или герменевтики. В настоящей работе под интерпретативными понимаются эмпирические социальные исследования определенного вида: исторически ориентированные интерпретативные исследования стремятся к объяснению специфических исходов истории или наборов таких исходов (процессов), поддающихся сравнению и избранных в качестве объекта исследования ввиду их важности для современного институционального устройства или для общественной жизни вообще. Обычно такого рода работы направлены на выявление общего смысла событий путем сведения данных воедино по хронологическому признаку. При этом формулируются ограниченно применимые исторические обобщения, объективно допустимые и в то же самое время учитывающие обуславливающую роль контекста и налагаемые им ограничения. Данное определение интерпретативного исследования во многом исходит из положений М. Вебера (Weber, 1949; 1975; 1977), но в большей мере допускает возможность исторических обобщений, основанных на анализе сравнимых случаев. В настоящей работе будут рассмотрены как отличительные характеристики подобных исследований, так и значение этих характеристик для

компаративистской методологии. Я начну с определения сравнительных социальных наук.

Границы и цели компаративистики

Попытки очертить границы компаративистики предпринимались уже неоднократно, но, тем не менее, ученые далеки от единства по этому вопросу. Чаще всего сфера интересов названной дисциплины вычленяется исходя из специфики используемых данных. По причинам, которые будут изложены ниже, это неподходящая точка отсчета. Я утверждаю, что сравнительные общественные науки лучше определять по специфике их целей.

Как правило, сравнительное исследование определяют как исследование, в котором используются сопоставимые данные по двум или более обществам. Такое определение делает упор на кросс-социетальный характер данных, с которыми имеет дело компаративистика (см. Andreski, 1965, с. 66; Armer, 1973, с. 49). Хотя подобное определение сравнительных общественных наук и приемлемо в качестве рабочего, большинству компаративистов оно показалось бы слишком узким. Оно исключает, например, из числа компаративистских сравнительно ориентированные исследования единичных случаев, подобные «Демократии в Америке» А. де Токвиля или «Элементарным формам религиозной жизни» Э. Дюркгейма. На деле же многие специалисты по отдельным регионам являются полноценными компаративистами, ибо подспудно сравнивают объект исследования с собственными странами или с вымышленными, но убедительными теоретически идеальными типами. Таким образом, определять сравнительные социальные науки по специфике используемых данных — это псевдоконкретный способ очертить сферу их охвата.

Некоторые ученые определяют сравнительные социальные исследования, подчеркивая их многоуровневый характер (см. Rokkan, 1966, с. 19-20). Согласно А. Пржеворскому и Г. Тьюну (Przeworski и Teune, 1970, с. 50-51), работа компаративиста ведется одновременно на двух уровнях — макросоциальном (т.е. целых систем) и внутрисистемном. Ученые утверждают, что любой анализ, принимающий во внимание сходства и различия лишь на макросоциальном уровне, не является подлинно сравнительным, даже если он включает исследование совокупностей внутрисистемных характеристик. Например, если макросоциальные переменные (такие, как валовый национальный продукт на душу населения) используются для объяснения вариаций зависимой переменной, выделенной как совокупность внутрисистемных

данных (такой, как показатели грамотности), то работа, с точки зрения Пржеворского и Тьюна, не может считаться сравнительной. В идеале, макросоциальные переменные должны использоваться только для объяснения фиксируемых на внутрисистемном уровне различий между системами.

Исследование Р.Алфордом (Alford, 1963) кросснациональных колебаний роли классовых факторов в электоральном поведении подпадает под такое определение, так как в нем макросоциальные переменные (уровни индустриализации и урбанизации) используются для объяснения различий внутрисистемных характеристик отдельных стран (степень взаимосвязи между классовой принадлежностью и поддержкой определенных партий). Соответствует определению и работа Дж. Уолтона о национальных восстаниях в странах «третьего мира». Ученый использует макросоциальную переменную — уровень интегрированности страны в мировую экономику — для объяснения различий в степени воздействия массового протеста и ответных акций государства на возникновение революционных ситуаций в шести странах (см., в особенности, Walton, 1984, с. 188-197). Однако лишь немногие из работ, традиционно считающихся сравнительными, подпадают под данное определение. За рамками компаративистики остаются сравнительно ориентированные исследования единичных случаев, равно как и количественные кросснациональные исследования, оперирующие исключительно обобщенными данными по целым странам и направленные на выявление сходств и различий между обществами. Иными словами, определение Пржеворского и Тьюна — еще более узкое, чем предыдущее.

Оба приведенные выше определения не точны. И все же на их основе можно найти предварительное решение проблемы. Мы видели, что в обоих определениях важную роль играет макросоциальный уровень. В первом из них он фигурирует в требовании использовать данные по двум обществам, а во втором — в требовании многоуровневого анализа, выступая в качестве одного из уровней. Стало быть, границы компаративистики устанавливаются в связи с использованием макросоциальных единиц анализа.

Макросоциальные единицы важны для компаративистов не как разновидность данных, а как мегатеоретическая категория. Отличительной чертой сравнительных общественных наук является использование свойств макросоциальных единиц для выработки суждений объяснительного характера, что тесно связано с двумя взаимосвязанными целями таких наук — объяснением и интерпретацией макросоциальных различий.

Важность макросоциальных единиц для объяснений, вырабатываемых в компаративистике, проще понять на конкретном примере. Рассмотрим исследование, в котором сильная корреляция между классовой принадлежностью и голосованием за определенную партию в Великобритании объясняется тем, что «Великобритания — индустриальное общество». Данный вывод конкретизирует понятие «общество», давая пример (Великобритания) и предполагая, что существуют другие общества, одни из которых — индустриальные, а другие — нет. Если же исследователь приходит к заключению, что корреляция объясняется мотивированностью поведения избирателей материальными выгодами или, скажем, тем, что «производственные отношения определяют политическое сознание», то такой подход не будет сравнительным, ибо нет конкретизации какой бы то ни было макросоциальной единицы.

Подобное прямое, эмпирическое использование абстрактных макросоциальных единиц есть метатеоретический акт, отличающий компаративистов от некомпаративистов. Чтобы сравнить общества или иные макросоциальные единицы, исследователь должен присвоить им имена. Тем самым предполагается, по крайней мере имплицитно, что макросоциальные единицы реальны и что их нужно определить, пусть опять-таки косвенно, в ходе исследования. Тот факт, что разница между компаративистами и некомпаративистами имеет метатеоретический характер (т.е. выражается прежде всего в различии целей), столь сложно распознать, поскольку на изучение общества претендуют всех обществоведы. Ведь общественные науки — это именно науки об обществах. Нужно, однако, видеть, что для некомпаративистов макросоциальные единицы, как правило, остаются чистыми абстракциями. Конечно, изучаемые ими закономерности и процессы протекают в социальной среде, но при этом нет нужды в ходе исследования открыто вводить в действие понятие об обществе. Компаративистам, напротив, приходится самым широким образом использовать макросоциальные единицы анализа.

Этим большим, всеохватным единицам редко дается определение (исключениями из правила могут служить: Parsons, 1977; Marsh, 1967). Так, например, А. Гримшоу, обсуждая отличительные черты компаративистики, прямо заявляет: «Я воздержусь от рассуждений о том, что образует [макросоциальную] систему» (Grimshaw, 1973, с. 4). Это — довольно распространенная позиция; в большинстве, компаративисты стремятся сравнивать, а не определять объекты сравнений (см. Andreski, 1965, с. 66). Фактом, однако, остается то, что сравниваются именно макросоциальные единицы, которые

должны быть введены в действие в ходе исследования.

В самом обобщенном виде можно сказать, что компаративистов интересуют сходство и различия между макросоциальными единицами. Знания узкого рода позволяют понимать, объяснять и интерпретировать разнообразные исторические исходы и процессы, а также их значение для современного институционального устройства. Для многих обществоведов сходство и различия между обществами представляют собой наиболее заметные вехи социального ландшафта. Поэтому они предпочитают объяснения, основанные на использовании макросоциальных единиц. Подобная тенденция еще более усиливается благодаря тому, что цели сравнительных социальных исследований обычно шире простого выявления и объяснения сходства и различий между обществами. Для большинства компаративистов, особенно если они придерживаются качественного подхода, не менее важно интерпретировать специфический опыт и пути развития отдельных стран (или групп стран). Иными словами, предметом интереса здесь служат случаи как таковые, в особенности разнообразие исторического опыта, а не только (взаимоотношения между переменными, характеризующими большие группы случаев. Потому-то и усиливается тенденция использовать макросоциальные единицы как элементы объяснения.

Решение изучать различия на макросоциальном уровне и строить объяснительные суждения со ссылкой на макросоциальные характеристики - это, конечно, сознательный выбор, во многом продиктованный реальностью стран, наций, государств и подобных им крупных (и внушительных) политических образований. Поскольку обществоведы стремятся к интерпретации воздействующих на них же самих социально-исторических контекстов, им и приходится прибегать к макросоциальным характеристикам при объяснении социальных феноменов. В принципе, можно представить социальную науку, которая в этом бы не нуждалась. Например, тотальная психологизация исследований позволила бы обойтись без анализа на макросоциальном уровне. Маловероятно, однако, что обществоведы когда-нибудь полностью утратят интерес к внутригосударственным и международным событиям и тем самым смогут абстрагироваться от особенностей имеющегося социального контекста (как бы то ни было, это означало бы полное отрицание общественных корней и основы социальных наук). Таким образом, макросоциальные единицы играют в компаративистике столь важную роль именно потому, что они представляют собой основной элемент предлагаемых компаративистами объяснений.

Оговорка по поводу единиц анализа

Было бы неверно, однако, заключить, что главное различие между сравнительными и несравнительными исследованиями состоит в выборе разных единиц анализа. Приведенный выше пример показывает, что сравнительное исследование может прибегать к любым видам данных. Реальное значение имеет лишь то, как понимаются результаты исследования. И все же тот факт, что компаративистика, как правило, ориентируется на кросс-социетальные объяснения со ссылкой на макросоциальные феномены, свидетельствует, что вопрос об единицах анализа — отнюдь не излишний.

Тем не менее в развернувшихся по этому поводу дискуссиях заметен недостаток последовательности. Это и не удивительно, учитывая, что словосочетание «*единица анализа*» используется для обозначения двух совершенно разных метатеоретических конструкторов. Иногда термин относят к категориям данных. Автор количественного кросснационального исследования экономической зависимости и экономического развития может, например, считать единицей анализа нацию-государство, так как именно на этом уровне собраны анализируемые им данные. Нередко, однако, термин применяется для отображения теоретических категорий. Дж. Вейнер в своей рецензии на книгу Б. Мура «Социальные корни диктатуры и демократии» (1966) отмечает, что у Мура единицей анализа выступает «класс» (Weiner, 1976). И. Валлерстайн в целом ряде публикаций утверждает, что единственной обоснованной единицей анализа в компаративистике является «миросистема» (Wallerstein, 1974; 1979; 1980; 1984). Тем не менее при ближайшем рассмотрении оказывается, что анализируемые Муром случаи — это отдельные страны, а работы Валлерстайна по миросистеме полны ссылок на нации-государства и сравнений между странами, к примеру, центра и периферии.

То, что понятие "единица анализа" применяется для обозначения как категорий данных, так и теоретических категорий, породило немалую путаницу в компаративистике. Так, некоторые последователи Валлерстайна критикуют ученых, использующих в качестве единицы анализа (в смысле категории данных) нацию-государство, утверждая, что подобная практика оскверняет теорию миросистем и ведет к выдвижению бессмысленных критериев оценки положенных в ее основу гипотез (см., в частности, Bach, 1977). Другие исследователи попытались использовать как единицу анализа — в смысле категории данных — современную миросистему в целом, занявшись анализом циклов и тенденций

развития мировой экономики в целом (см. Bergesen, 1980; McGowan, 1985). Но из рассуждений самого Валлерстайна и его собственного анализа миросистемы ясно следовало, что миросистема рассматривалась им в качестве единственно обоснованной единицы объяснения, а не единицы данных.

Терминологическая путаница, обусловленная несогласованностью двух значений «единицы анализа», сказывалась на состоянии сравнительных социальных исследований по меньшей мере с начала 60-х годов. Проблемы, связанные с обобщением данных, только усугубляли терминологические трудности и неразбериху. К примеру, Э. Аллардт предложил провести различие между «единицами данных» и «аналитическими единицами», доказывая, что последние более теоретически значимы (Allardt, 1966, с. 339-341). Сходным образом Э. Шейх доказывал, что компаративистам необходимо различать «единицы наблюдений» и «единицы выводов» (Scheuch, 1966, с. 164; см. также Walton, 1973, с. 176). На ранних стадиях разработки своей методологической концепции Т. Хопкинс и И. Валлерстайн противопоставляли «исследовательские участки» и «теоретические единицы» (Hopkins и Walierstein, 1970, с. 183). Некоторые ученые пытались прояснить ситуацию путем сведения дискуссии к «единицам сравнения» (Eisenstadt, 1966, с. 86; Etzioni и Dubow, 1970, с. 7; Czudnowski, 1976, с. 27). Наконец, А. Пржеворски и Г. Тьюн попытались развести «уровни наблюдения» и «уровни анализа» (Przeworski и Теше, 1970, с. 8, 49-50).

В основном, эти споры вызывались двусмысленностью термина «единица анализа». Для большинства некомпаративистов использование данного термина не связано с какими-то особыми сложностями. Их анализ, как и предлагаемые объяснения, обычно относятся к одному уровню — индивидов или организаций. В компаративистике такое происходит крайне редко, ибо здесь анализ зачастую выполняется на одном уровне (возможно, индивидуальном, как это было в нашем примере), а объяснения формулируются на другом (обычно, макросоциальном). Конечно, подобный дуализм встречается в других разновидностях общественных наук, так что обсуждаемые здесь методологические проблемы в равной степени касаются и их. Однако в компаративистике такой дуализм выражен наиболее ярко, что, отчасти, и делает ее идеальной ареной для методологических споров.

Чтобы прояснить вопрос о единице анализа в компаративистике, необходимо провести различие между единицами наблюдения и объяснения. Такое различие прямо вытекает из наличия двух значений единицы анализа — как категории данных и теоретической

категории. *Единица наблюдений* используется при сборе и анализе данных; *единица объяснения* применяется для выявления закономерностей в полученных результатах. В приведенном выше примере с классовым голосованием единицей наблюдения будет индивид (это — отношение, фиксируемое на индивидуальном уровне), а единицей объяснения — общество.

Методологические следствия

В объяснении, связывающем высокую степень корреляции между классовой принадлежностью и голосованием за определенные партии в Великобритании с индустриальным характером британского общества, содержится ряд допущений: что можно различать общества; что их можно подразделять на индустриальные и неиндустриальные; что индустриальным обществам присуща высокая степень корреляции между классовой принадлежностью и голосованием за определенные партии, тогда как в неиндустриальных обществах такой корреляции нет. Поскольку же (по крайней мере, на первый взгляд) общества нетрудно отличить друг от друга, исследователь может составить список обществ, разделить их на индустриальные и неиндустриальные (или, на худой конец, измерить уровень индустриализации в каждой из них) и проверить, действительно ли в индустриальных обществах наблюдается сильная зависимость между принадлежностью к классу и голосованием, а в неиндустриальных — слабая. Если это так, то использование общего суждения (что в индустриальных обществах классовая принадлежность и голосование за определенные партии коррелируют) для объяснения специфического случая (соответствующего взаимоотношения, наблюдаемого в Великобритании) окажется оправданным.

К сожалению, социальное исследование крайне редко бывает до такой степени простым. Выявление кросс-социетальных доказательств, подобных описанным выше, связано со множеством технических проблем. В основном, они касаются сравнимости относительно несхожих обществ. Дело в том, что каждый из случаев (скажем, стран), используемых компаративистами, имеет свою историю и свою идентичность. К ним нельзя относиться как к анонимным, бесплотным результатам научных наблюдений. В нашем примере ученый, знакомый с имеющими отношение к проблеме случаями, может усомниться в сравнимости показателей классовой принадлежности в разных обществах или же солидаризации между партиями и общественными классами. Может вызвать сомнения правомерность деления обществ на

индустриальные и неиндустриальные, не очевидны и способы измерения уровней индустриализации. Проблемы, связанные с определением способов измерения, крайне важны и с некоторых пор привлекают пристальное внимание исследователей. Многие дискуссии по методологии компаративистики были, по сути, дела посвящены исключительно этим проблемам.

Еще более фундаментальная трудность связана с тем, что при оценке объяснений, даваемых в рамках компаративистики, нередко приходится учитывать наличие эмпирических факторов, ограничивающих число доступных для исследования случаев. Даже исследователи, заявляющие о том, что их интересуют все общества, и относящие к обществам все существующие ныне нации-государства, при первой же попытке количественного анализа сталкиваются с серьезными статистическими проблемами. Казалось бы, весьма значительное число объектов исследования — в мире насчитывается более ста наций-государств — сразу же сокращается на половину из-за отсутствия данных. Оставшиеся же случаи часто нерепрезентативны по отношению ко всей выборке, будь то исходные сто с лишним наций-государств или, тем более, все общества (макросоциальные системы). Эта проблема встает и в рассматриваемом нами примере гипотетического научного исследования. Многие общества как индустриальные, так и неиндустриальные не являются демократическими. Любые попытки оценить степень взаимосвязи между классовой принадлежностью и голосованием за определенные партии в подобных странах будут спорными, если не сказать — вводящими в заблуждение. Более того, само определение демократического общества является спорным и идеологически предвзятым.

Число релевантных случаев могут снижать и теоретические ограничители. Например, при проведении описанного выше гипотетического анализа обществ с разными уровнями индустриализации может оказаться, что исходное обобщение (согласно которому классовая принадлежность определяет выбор партии при голосовании только в индустриальных обществах) теоретически значимо лишь для демократических стран, прошедших в своем развитии фазу феодализма. Если это действительно так, то исследователю придется начинать с составления списка демократий, имевших феодальное прошлое, а уж затем классифицировать их по принципу уровня индустриализации. Вообще говоря, чем более ярко выражены эмпирически наблюдаемые или теоретические особенности, тем меньше случаев можно ввести в поле анализа. А чем их меньше, тем вероятнее, что оценить результаты исследования в соответствии со строгими

социально-научными стандартами, особенно в количественном плане, будет очень трудно.

Отмеченные ограничения нередко сводят число находящихся в распоряжении исследователя случаев к минимуму, так что есть феномены, способы объяснения которых численно превосходят количество доступных примеров. Выбрать наилучшее объяснение тогда невозможно. Говоря языком статистики, использование понятия «общество» в объяснительных суждениях порождает серьезные трудности со степенями свободы, потому что число подходящих для объяснения переменных превосходит число случаев. С точки зрения социально-научного стандарта, серьезный недостаток компаративистики состоит именно в ограниченной способности к проверке теорий.

Но многие компаративисты, особенно ориентированные на качественные исследования, часто и не занимаются проверкой теорий как таковой. Они, скорее, *применяют* теорию к конкретным случаям в целях их интерпретации. Поскольку предлагаемые компаративистикой объяснительные суждения неизбежно содержат ссылки на свойства макросоциальных единиц, в исследованиях всегда фигурируют объекты с известными историями и идентичностями. К таким объектам трудно относиться как к единой массе научного «сырья». Напротив, возникает желание учесть и объяснить особенности отдельных случаев, что, в свою очередь, требует использования ориентированных именно на единичные случаи аналитических методов, чувствительных к обстоятельствам времени, места, наполнения и протекания процессов.

Вспомним, что одна из специфических целей компаративистики — интерпретация важных исторических исходов. С точки зрения других отраслей социального знания, это налагает жесткие ограничения на исследовательскую практику, сводя число подлежащих анализу случаев к минимуму. По существу, при интерпретации важных исторических исходов компаративисты берут крайние значения на общей шкале переменных (например, социальная революция есть крайнее значение на шкале беспорядков) и изучают лишь экстремальные случаи. Таковую практику можно оправдать ссылками на скачкообразность переходов от умеренных к крайним значениям даже в рамках, казалось бы, континуума, а также культурной важностью и историческим значением экстремальных случаев. Таким образом, проблема недостаточного числа обществ, на материале которых можно было бы проверять теории, дополняется тем, что собственные исследовательские интересы и цели компаративистики (и отдельных компаративистов) часто заставляют их обращаться к немногим случаям — слишком

немногим для использования статистических методов. По сути дела, в большинстве своем компаративисты интересуются проблемами, значение которых ограничено как в содержательном, так и в историческом плане. Обычно это гораздо более узкие проблемы, чем сформулированный выше абстрактный вопрос о воздействии индустриализации на степень взаимосвязи между классовой принадлежностью и голосованием за определенные партии. В типичном сравнительном исследовании эмпирические обобщения могут строиться на совсем небольшом наборе случаев. Так, социальных революций — по крайней мере, соответствующих определению Г. Скокпол (Skocpol, 1979) — было немного. Есть лишь несколько примеров успешных восстаний против неокOLONиализма. Случаев зависимого промышленного развития в странах «третьего мира» больше, но опять-таки недостаточно для применения методики количественного кросснационального исследования. Тем не менее перечисленные и подобные им проблемы требуют внимания компаративистов. То, что существует лишь ограниченное число подходящих для изучения случаев, причем каждый из них имеет собственную историю и идентичность (т.е. известную особенность), сильно сказывается на характере исследовательского процесса.

Исходная характеристика сравнительного метода

Чем меньше количество доступных наблюдению случаев, тем меньше возможность подвергать результаты исследования проверке на основе строгих статистических методов - нужно использовать иные. Н. Смелзер утверждает, что при ограниченном числе релевантных случаев необходимо прибегать к методу «систематической сравнительной иллюстрации», рассматриваемому как грубое приближение к более сложным статистическим процедурам: «Чаще всего такой метод требуется для сравнительного анализа национальных единиц или культур» (Smelser, 1976, с. 157). В качестве примера систематической сравнительной иллюстрации Смелзер ссылается на проделанное А. де Токвилем сравнение американских, французских и английских обычаев. Токвиль выявил то простое обстоятельство, что сходства между этими общностями, вроде использования одного и того же языка англичанами и американцами, непригодны для объяснения различий между ними, и наоборот (Smelser, 1976, с. 158). В общем, метод систематической сравнительной иллюстрации предполагает применение

разработанных Дж С. Миллем (Mill, 1843) метода согласования и непрямого метода различения.

В одной из ранних работ Смелзера (Smelser, 1973) систематический анализ сходств и различий был объявлен истинно сравнительным методом в отличие от статистического. Позднее, в работе «Сравнительные методы социальных наук» Смелзер пришел к заключению, что все социально-научные методы являются, строго говоря, сравнительными и с этой точки зрения статистический метод — именно в качестве сравнительного — выше метода систематической сравнительной иллюстрации (Smelser, 1976).

Последний уступает первому именно потому, что к нему прибегают в ситуации, когда число имеющих отношение к проблеме случаев ограничено и нет возможности установить систематический контроль над источниками различий между социальными феноменами. Это, в свою очередь, сокращает возможность социально-научных обобщений.

Фактически, Смелзер именуется систематической сравнительной иллюстрацией именно то, что обществоведы традиционно называют «сравнительным методом». Этот метод составляет сердцевину стратегии, направленной на изучение отдельных случаев, и существенно отличается от корреляционных методов, на которых строится стратегия, ориентированная на анализ переменных. Его действительно можно назвать сравнительным, ибо он прямо вытекает из постановки вопросов об эмпирически определенных, исторически конкретных крупномасштабных социальных явлениях и процессах, поиском ответов на которые занимаются компаративисты. Проблемы, для решения которых необходим детальный анализ относительно небольшого числа случаев, поднимаются и в других типах общественных наук, но для компаративистики исследование таких проблем наиболее типично. Коль скоро мы пришли к выводу, что отличительные черты сравнительного метода связаны с целями сравнительных исследований, причем работа в этой области предполагает именно такой метод, можно перейти к определению его специфических характеристик.

Логика сравнительного метода

«Удивительно, что после всех разговоров о ценности сравнения так и не разработана строгая сравнительная методология. Причина ее отсутствия состоит, возможно, в том, что разработка такой методологии была бы связана с большими трудностями» (Porter, 1970, с. 144). Смелзер мог бы сказать, что строгий сравнительный

метод — это терминологическое противоречие, ибо сравнительный метод по определению применяется лишь там, где количество релевантных случаев невелико, а значит, невозможно установить статистический контроль над предпосылками и причинами различий между социальными явлениями. Но если ограниченность числа случаев действительно препятствует строгости метода, то не менее серьезными препятствиями являются комбинаторный характер даваемых компаративистами объяснений и методологический «холизм».

Многие компаративисты, особенно те, кто ориентирован на качественные исследования, заинтересованы в кросснациональном сравнении особых последовательностей исторических событий и их исходов. А такие исходы часто требуют сложных, комбинаторных объяснений, с трудом поддающихся проверке на основе процедур, стандартных для количественных «социальных наук. Когда рассуждение, направленное на анализ причинности, имеет комбинаторный характер, строгости метода мешает уже не нехватка случаев, а *недостаток их разнообразия*

Деятельность ориентированных на качественные исследования компаративистов состоит в изучении того, каким образом взаимное соответствие условий и причин в одних контекстах соотносится с их взаимным соответствием в других (или с тем, как они соответствовали бы друг другу в некоем идеал-типическом случае). Иными словами, компаративисты подходят к каждому наблюдаемому объекту как к поддающейся интерпретации комбинации частей и рассматривают его в целом. Таким образом, даваемые в компаративистике объяснения обычно содержат указание на сходящиеся в одной точке каузальные условия. Причины берутся в отношении друг к другу или определенным образом комбинируются.

Эту практику можно проиллюстрировать простым примером. Компаративист может утверждать, что классовая принадлежность и голосование за определенные партии в Великобритании тесно взаимосвязаны не *просто* ввиду существования в стране индустриального общества, а еще и потому, что британское общество пережило длительный период классовой мобилизации и борьбы, хронологически совпавший со становлением современной политической системы. В действительности, здесь указываются три сходящиеся в одной точке условия: (1) история классовой борьбы; (2) ее хронологическое совпадение с вызреванием политики; (3) давняя индустриализованность страны. Фиксируемое на уровне индивидов соотношение между классовой принадлежностью и голосованием за определенную партию объясняется именно

комбинированным действием указанных причин, т. е. можно утверждать, что их конфигурация объясняет наблюдаемую взаимосвязь.

Строгая оценка данного утверждения потребовала бы выявить среди демократических стран все логически возможные комбинации трех выделенных условий, а затем рассмотреть взаимосвязь между классовой принадлежностью и голосованием за определенную партию в каждой из таких комбинаций. Требование анализа каждой из комбинаций предъявляется потому, что нужно проверить, является ли именно их совместное действие причиной обсуждаемой взаимосвязи. Если она действительно наблюдается лишь при совпадении трех условий и ее наличие действительно прослеживается во всех случаях такого совпадения, то можно считать, что исходный общий тезис подтвердился.

На самом деле, это трудновыполнимая процедура. В нашем распоряжении нет примеров всех восьми логически возможных комбинаций трех пар условий, а между тем, лишь при их наличии была бы возможна строгая оценка. Некоторые из таких комбинаций, рассматриваемых как отдельные случаи, отдельные тотальности, а не только совокупности разных значений по трем шкалам, просто не встречаются в реальности, хотя логически они возможны. В лучшем случае, исследователь может проанализировать действительно существующие комбинации с точки зрения воздействия каждой из них на взаимосвязь между классовой принадлежностью и голосованием за определенную партию.

Хотя приведенный пример иллюстрирует связанные с «холизмом» недостатки сравнительного метода, высвечиваются и его отличительные черты. Как уже отмечалось, в центре внимания сравнительного метода находятся конфигурации условий; он используется, чтобы определять, какие специфические комбинации условий связаны с определенными исходами или процессами. Более того, сравнительный метод основан на «логических методах» (см. Gee, 1950); он привлекает оба сформулированных Дж. С. Миллем индуктивных метода — метод согласования и непрямой метод различения (Mill, 1843; см. также Skocpol, 1979, с 36, Skocpol и Somers, 1980, Zelditch, 1971, Ragin и Zaret, 1983). Перечисленные методы используют всю совокупность доступных и относящихся к делу данных о причинах специфических исходов и путем анализа сходств и различий между отдельными случаями объясняют причинно-следственные связи.

Ввиду такой природы сравнительного метода статистические критерии имеют для него меньшее значение. Это означает, что сравнительный метод имеет дело не с выборками, а с примерами

исследуемых явлений, и, кроме того, что формулируемые объяснения не имеют вероятностного характера, ибо изучаются и объясняются все доступные примеры. Соответственно сравнительный метод не придает большого значения тому, насколько часто встречаются в реальности случаи того или иного типа. Например, если известны многочисленные примеры какого-то явления и две комбинации причин, порождающих его, то обеим комбинациям приписывается одинаковая объяснительная ценность, хотя одна из них может встречаться часто, а другая — нет.

Применение статистического метода к аналогичному массиву данных не позволило бы выделить эту редко встречающуюся комбинацию. Для сравнительного же метода важны обе, и именно потому, что они в равной мере порождают исследуемое явление. Согласно позиции Смелзера, сравнительный метод уступает статистическому. Справедливо ли это? У сравнительного метода есть несколько важных преимуществ перед статистическим. Во-первых, статистический метод не имеет комбинаторного характера; каждое из релевантных условий берется им изолированно от других. Поэтому, например, статистический метод позволяет получить ответ на вопрос: каковы следствия длительной истории классовой борьбы без учета следствий индустриализации? Гораздо труднее ответить с его помощью на вопросы, связанные с последствиями комбинации условий (т.е. исследовать ситуацию в целом). Чтобы исследовать комбинации условий нужно проанализировать статистические взаимодействия. Но введение большого количества статистических взаимодействий в исследование, ориентированное на анализ переменных, ведет к проблемам солинейности и малых степеней свободы, особенно при небольшом количестве релевантных случаев. К примеру, исчерпывающее исследование различных комбинаций семи условий потребовало бы статистического анализа эффектов более ста различных взаимодействий.

Во-вторых, при использовании сравнительного метода вырабатываются объяснения, которые могут быть отнесены ко всем доступным примерам исследуемого явления. Правда, подобные объяснения могут содержать интерпретационные ссылки на особенности одного или нескольких девиантных случаев, но сравнительный метод по крайней мере автоматически высвечивает такие отклонения, и исследователь не вправе оставить их без объяснения. Именно это и позволяет сравнительному методу лучше справляться с задачей интерпретации специфических случаев и выявления исторической специфики. Отмеченная особенность сравнительного метода делает его еще и более подходящим для разработки новых теорий и синтеза уже существующих.

В-третьих, сравнительный метод не побуждает исследователя притворяться, будто в его распоряжении имеются выборки случаев по любой из анализируемых совокупностей, позволяющие проверять результаты работы на статистическую значимость. Границы сравнительного исследования устанавливаются его автором (см. Walton, 1973, с. 174-175); они совпадают с границами произвольно определяемых (или не определяемых вообще) совокупностей обществ, исторических периодов или событий.

Наконец, сравнительный метод заставляет исследователя детально ознакомиться со всеми случаями, имеющими отношение к его работе. Чтобы проводить имеющие познавательную ценность сравнения между случаями как некими целостностями, необходимо исследовать каждый из них непосредственно, а затем уже сравнивать с другими. В противоположность этому, статистический метод требует расчленения общества на переменные и исследования отношений между такими переменными. Ему чужд непосредственный анализ сходств и различий между случаями, взятыми как конфигурации характеристик.

Короче говоря, было бы неверным считать сравнительный метод незаконнорожденным братом статистического. Эти методы качественно различны, причем сравнительный метод соответствует именно тем типам вопросов, которыми задаются многие компаративисты.

Раскол между качественным и количественным подходами в компаративистике

Как уже отмечалось, сравнительный метод — это, в сущности, стратегия сравнительных исследований, ориентированная на изучение отдельных случаев. Главное для него — сравнение случаев, причем последние берутся в их целостности, как комбинации характеристик (Ragin и Zaret, 1983). Такая ориентация и отличает сравнительный метод от статистической методологии, применяемой в общественных науках. Конечно, не все обществоведы, называющие себя компаративистами, используют сравнительный метод именно так, как показано выше. Многие придерживаются стратегии, ориентированной на анализ переменных в соответствии с методологическими нормами основного направления в обществознании с его упором на переменные и взаимоотношения между ними. Цель подобной стратегии состоит обычно в том, чтобы делать обобщения по поводу взаимоотношений между переменными, а не в том, чтобы достигать понимания и

формулировать интерпретации исторических исходов для малого количества случаев или в рамках набора случаев, определенного эмпирически. Существуют и комбинированные стратегии, хотя при ближайшем рассмотрении часто оказывается, что они все же подпадают под одну из категорий. Примерами таких стратегий могут служить ориентированные на анализ переменных исследования, дополненные анализом отдельных случаев (см., например, Paige, 1975; Stephens, 1979), и исследования случаев, дополненные количественным анализом (см. Shorter и Tilly, 1974). Дихотомная природа сравнительных исследований с присущими им ориентациями, с одной стороны, на случаи, а с другой — на переменные, делает их идеальным полем для анализа методологических проблем — прежде всего проблемы разрыва между качественными и количественными подходами и путей его преодоления. Сравнительные исследования являются единственной отраслью американских общественных наук, в которой важную роль играет качественный анализ небольшого числа случаев. Поэтому именно в компаративистике стратегия, ориентированная на переменные, бросает вызов устоявшемуся качественному подходу. В других отраслях дело обстоит прямо противоположным образом. Таким образом, традиционная для сравнительных исследований ориентация на случаи может быть прямо противопоставлена набирающей силу традиции, ориентированной на переменные. Традиция качественных исследований сильна в компаративистике по той причине, что все основные методологические расколы налагаются там на раскол между качественным и количественным подходами. Как показывает предпринятый выше анализ логики сравнительного метода, ориентированные на качественный подход исследователи обычно задаются исторически и эмпирически определенными вопросами и, как правило, отвечают на них в историческом ключе, выявляя происхождение явлений. Поэтому качественным сравнительным исследованиям присущи «холизм» и интерпретативный подход к сопоставляемым данным. Раскол между количественным и качественным подходами в компаративистике усиливается в связи с тем, что находящиеся в центре внимания компаративистов проблемы имеют прямое отношение к макросоциальным единицам, обладающим значимыми социальными идентичностями (например, к нациям-государствам). Эти идентичности принципиально важны для качественных исследований, тогда как при проведении количественных кросснациональных исследований они могут стать серьезной помехой в работе (вспомним Кувейт, который всегда оказывался досадным исключением при исследовании экономической

зависимости и развития). Данный аспект компаративистики еще больше повышает ее ценность при обсуждении методологических проблем, ибо противоречия между исследовательскими стратегиями и следствия выбора той или иной методологии (зачастую имеющие политическое значение) проявляются там с максимальной отчетливостью.

Например, в течение какого-то времени внимание обществоведов было приковано к проблеме развития. Но развитие может определяться по-разному. Определяя его в терминах валового национального продукта на душу населения, мы тем самым включаем в число развитых Западную Европу, США и некоторые нефтедобывающие страны. Определение, в котором делается упор на степень удовлетворения основных человеческих потребностей, ведет к «перестройке» иерархии развитых стран и повышению статуса Восточной Европы. Если же подойти к проблеме критериев развитости с политической, качественной точки зрения и относить к категории развитых страны, где сложилась национальная политическая культура, подкрепляемая стабильностью центральных правительств, легитимность которых признана гражданами, иерархия развитых стран вновь изменится (в их состав войдет, в частности, Мексика). А такое изменение потребует полного переосмысления всего комплекса проблем, связанных с развитием. Таким образом, решения методологического плана, значение которых в других отраслях общественных наук было бы пренебрежимо малым, в сравнительных исследованиях с неизбежностью приобретают политическое звучание. Это особенно ярко проявляется в работах компаративистов, выполняющих качественно ориентированные исследования.